

«...БЕРЕЧЬ НАДО ПАМЯТЬ.

РЯДОМ С МАСТЕРОМ

Известному русскому писателю, лауреату Государственной премии СССР Василию Ивановичу Белову 23 октября исполняется пятьдесят лет.

Без его имени сегодня невозможно представить современную советскую литературу. Каждое новое произведение писателя, как правило, оказывается в центре общественной и литературной жизни.

За два десятилетия литературной работы В. И. Беловым написано не-

сколько повестей, среди которых «Привычное дело» и «Плотничьи рассказы», первая книга романа-хроники «Кануны», комедийная киноповесть, очерки о народной эстетике «Лад», несколько десятков рассказов. Его пьесы идут более чем в двадцати театрах страны.

В канун юбилея В. И. Белова специальный корреспондент «Литературной России» Александр Брагин делится впечатлениями о своих встречах и беседах с писателем.

ВАСИЛИЙ Иванович Белов однажды признался: — Не знаю, кем бы я стал, не потянулся к литературе и не почувствовал к сроку, к тому рубежу, когда не иметь ремесла уже и стыдно, что любовь моя вроде не без взаимности... Профессий, которые мне не заказаны, много. Но какую бы для себя ни выбрал, все равно, наверное, кипел бы и смиренным не был...

Когда впервые потянулся он к литературе?

Потребность довериться слову проявилась у него в отрочестве. Тринадцать-четырнадцать лет — время первых его литературных опытов. Он попробовал писать. Конечно, стихи. В рассказах и романах слово казалось обычным, неказистым. Все деревенские, хотя и не сочиняли романов, а говорили тем же или почти тем же языком, а иной раз и попросту, понарядней. Стихами же в Тимони-хе не грешил почти никто. Одного только настоящего поэта и имела Тимониха — крестьянина Акиндина Суденкова. Тот по любому смешному поводу раздражался частушками. Односельчане его способностям завидовали. И Вася Белов завидовал, но в учителя не взял.

«...Сочинения мои были, в основном, подражательными (по форме подражал Маяковскому, по содержанию — Некрасову)», — отметил он потом в автобиографии.

Но из того, что Белов уже в отрочестве изыскался стихами, конечно, никаких выводов о предопределенности его судьбы не следует. Мало ли людей в отрочестве служат ритму и рифме! Писателем он мог и не стать. Не с этого начинается писатель.

Далеко не к литературной деятельности он готовит себя. Учеба в школе ФЗО № 5 города Сокола. Работа столяром, а затем мотористом на железнодорожной станции Вохтога. Переезд в Ярославль. Служба в армии.

И все эти годы стихи не покидают его.

«...К началу и середине пятидесятых годов слабо, но прорезывается и собственный голос, который был услышан А. Решетовым, участвовавшим тогда в работе литобъединения Ленинградского военного округа. К этому же времени относятся и первые публикации стихов (газета «На страже Родины» в Ленинграде, журнал «Звезда» и газета в Вологде), а также неудачные опыты в прозе и критическом жанре (после чтения статей Белинского и Добролюбова)».

И литобъединение, и первые публикации не намного приблизили Белова к литературному труду. Сочинение являлось своего рода способом самоутверждения. Не с этого начинается писатель.

— Был я, молод, скромненький, не боек и оттого страдал. Имей я разбитый характер, вряд ли взялся бы за перо. Выдумкой восполнялась неполнота жизни.

Не обошел Белов стороной и журналистику. В 1956 году он становится сотрудником ярославской газеты «Коммунар». Мотается по району, пишет корреспонденции, репортажи, очерки. Строчки, начертанные его рукой и набранные типографским способом, кажутся ему, по крайней мере в их районном масштабе, историческими. Он дивится складу собственных выражений и формулировок. И ежедневно опасается, что дар подгонять строчки одна к другой вдруг иссякнет.

А чуть стемнеет, «летописец» садится за парту в вечерней школе.

Стихи не только пишутся, но и печатаются. Их автор прилежно посещает Вологодское литобъединение.

Как-то в Ярославле проходило совещание начинающих литераторов, куда был приглашен и Белов. Там он попал в семинар Ярослава Смелякова и Николая Старшинова.

— В своих стихотворениях Белов в основном возвещал миру о бесспорных истинах: летом — жарко, а зимой — снежно, лгать — дурно, а резать в глаза правду-матку — хорошо. Но были в них и живые, выношенные, выстраданные строки, — вспоминает Николай Старшинов. — И даже небольшие поэтические откровения. Они и позволили нам с Ярославом Смеляковым рекомендовать Василия в Литературный институт.

В 1958 году Белов поступает в институт. Через три года в Вологде «вышла первая (и последняя) книжка стихов, а вскоре я был принят в Союз писателей».

В союз-то Белова приняли, а вот как писатель он тогда еще не состоялся. И неизвестно было пока, состоится ли.

...Здесь я позволю себе небольшое отступление. Давно, году в семидесятом, в последний день областного семинара Николай Михайлович Рубцов пригласил меня и двух моих товарищей-череповчан попить где-нибудь и без вина поговорить. «Я теперь не пью», — объяснил он. Дорогой — а мы направлялись к улице Яшина, где Рубцов жил, — он пытал меня: почему я пишу? Я ответил вопросом на вопрос: а почему сам он пишет? Рубцов посмотрел на меня своими спокойными, пронзительными глазами:

— А что мне остается?..

Ни я, ни мои товарищи не придали этим словам никакого значения.

Жуткий груз тех слов открылся мне лишь через девять лет, после одного рассказа Анфисы Ивановны, матери Василия Белова.

— Зайдет, бывало, Коля ко мне на кухню. Я ему щеп плесну. Кормлю его, и мы беседуем. Коля, говорю, чего ты один-то живешь? Он как-то и исповедался...

Жил, мол, он в одной крестьянской семье. И не выдержал — ушел. Старуха его целыми днями доводила. Лежит на печи и дочери советует: «Гони ты его! Если других нет, так это тоже не мужик. Сидит целыми днями, ничего не делает. Да и делать-то, верно, ничего не умеет».

А на него в то лето накатило: стихи писались. Он так напряженно работал! Только поди докажи старухе, что ты не тунеядец! И совестно, и зло берет, и куда денешься, если Слово — твой крест.

Полагаю, что Рубцов как писатель состоялся тогда, когда почувствовал ответственность за русское слово. Никто вроде бы ее на тебя не возлагал, но вот она, ноша-то, на плечах, и снять ее с себя тебе совесть не позволит. На мой взгляд, с этого начинается любой настоящий писатель.

Василий Иванович Белов принял ношу из рук Александра Яковлевича Яшина. С того момента и началась его литературная биография.

С той вехи и отметили критики появление на литературном небосклоне нового выдающегося писателя.

Несколько слов о драматургии Василия Ивановича Белова. Автор четырех пьес, три из которых с успехом идут в профессиональных театрах, — таков на сегодняшний день «послужной список» Белова-драматурга. Он входит в театральный мир, вероятно, менее решительно, чем входил в литературный, но не считаться с ним уже невозможно; не видеть его освежающего влияния на наш театр — близи-руко; не чувствовать, что он с каждой новой пьесой набирается сил, значит, судить о его драматическом творчестве предвзято. Белов несет в театр свое полное, верное сердцем, редкое по красоте и образности слово.

— Русская драматургия XIX века была частью национальной литературы, — говорит Белов. — Пьеса предназначалась не только театру, но и литературно-художественному журналу. Ее можно было читать так же, как повесть или роман. И при чтении не возникало мысли, будто перед вами произведение в чем-то ущербное, полухудожественное. Оно не являлось таковым. Драматурги, как и все русские писатели, помнили заповедь Николая Васильевича Гоголя: «Опасно шутить писателю со словом». Вот для нас образец. Вот традиция, — убежден Василий Иванович.

Может быть, я несколько преувеличиваю, но, на мой взгляд, рождению Белова-драматурга мы во многом обязаны Василию Макаровичу Шукшину. Известна их дружба-соперничество. Они ревностно следили за творческими работами друг друга. После того, как Василий Иванович познакомился с Шукшиным, он решил попробовать себя в кинодраматургии — засел за комедийную киноповесть «Целуются зори».

«Он задумал сценарий кинокомедии, — отмечает Шукшин в 1967 году. — Почти уж написал. Прочитал мне. Он — писатель, он не мог, чтобы «камера выхватывала лица», но он достаточно опытен, чтобы почувствовать разницу между сценарием и повестью и не написать повесть, что он прекрасно умеет. Это — сценарий. И какой! У нас такой комедии еще не было, смело могу это заявить. И смешно, и грустно, и думать охота».

Киноповесть появилась в ноябрьском номере журнала «Аврора» за 1973 год.

В 1977 году на XI Национальном фестивале юмора и сатиры в болгарском городе Габрово впервые проводился Международный конкурс на премию «Хитрый Петр» — за лучшее юмористическое произведение. В конкурсе приняли участие сорок девять писателей из семнадцати стран. Победителями были названы четыре писателя, среди них и Василий Белов. Василий Иванович премию и медаль «Хитрый Петр» получил за киноповесть «Целуются зори».

Шукшина потянуло к театру: «Сейчас наш театр интереснее, чем кино. Театр вышел вперед и решает вопросы, от решения которых кино еще далеко». У Василия Макаровича на рабочем столе — «Точка зрения», он пишет «Энергичных людей»...

Белов тогда «болел» одной темой — судьбой малых, окрещенных «бесперспективными», деревень. Возможности театра, его общественный голос, сила непосредственного общения со зрителем — все склоняло к одному: не попробовать ли?..

И Белов садится за пьесу «Над светлой водою».

Покушение на окружающую человека природную среду становится символом покушения на другую природу — внутренний мир человека.

— Видимо, начинать восстанавливать ныне нарушенное экологическое равновесие нужно с того, что человек — часть природы — должен осознать себя таковым? — спросил я Василия Ивановича.

— Такое осознание уже происходит. Вспомним самих себя несколько десятилетий тому назад. Лозунг «Мы не можем ждать милости от природы» звучит сегодня уже не так безоговорочно. Только и радоваться пока еще рано-вато. Сколько лет вызывает к нашей совести вихровская лекция из знаменитой книги Леонида Леонова? Но лесозаготовители все еще не осмеливаются оглянуться вокруг, одуматься... Ведь зона тайги в европейской части страны практически исчезла. Тундра сближается с лесостепью...

«Трудно представить архитектуру селения, — пишет В. Белов в «Ладе», — без колодезных журавлей, без погребов, рассадников, изгородей с отводами и заборами, без мостов и лав всех размеров» И делает сноску: «Так же, как английский пейзаж средней части острова невозможно представить без каменных изгородей».

Надобно сказать, что в примечании Белов ни на йоту не отступает от принципа, заявленного во вступлении к очеркам: «При этом я старался рассказывать лишь о том, что знаю, пережил или видел сам (разрядка моя. — А. Б.), либо знали и пережили близкие мне люди».

Помню, в Тимохине Василий Иванович делился впечатлениями о поездке в Англию:

— Взять гвозди или, к примеру, шурупы. Сколько видов шурупов у нас в скобяной лавке? Районные не в счет. В самой лучшей? Хоть и в Москве? Один, много — два. Бедно. И надумавшись выбрать, а не из чего! Однообразие нас угнетает. А там — не по слухам, сам убедился — видов сорок. На любой вкус, на любой фасон. Такую щедрость не худо бы перенять.

Шла речь и о знаменитой английской шерсти, о чесучовых костюмах ручной работы:

— И это — в Англии! В стране машин! Где для того, чтобы не ходить голым и босым, прилично одеваться и обуваться, нет надобности в ручном труде. Зачем же тогда? Конечно, есть тут и коммерческая выгода. Костюм ручной работы стоит дорого, не всякому под силу им владеть. Но я полагаю, имеется причина поглубже этой. Во всякой насыщенной машинами стране со временем все более и более будут цениться изделия ручной работы. И цениться не столько за качество, сколько за их... человечность, что ли. Потребность тут скорее психологическая. Затем, чтобы человек чувствовал превосходство ручного творческого труда перед механическим, машинным. Я — за превосходство творчества перед стандартом. Иначе стандарт его раздавит. Со временем в насыщенной машинами стране в каждом доме появится хотя бы одна вещь ручной работы. Непременно. И перед гостем хозяева похвалятся именно ею. Даже если она несовершенно.

Вспоминал Василий Иванович и о некоем Джеффри, преподавателе университета, в доме которого он ночевал.